

В. П. ЛЕБЕДЕВ

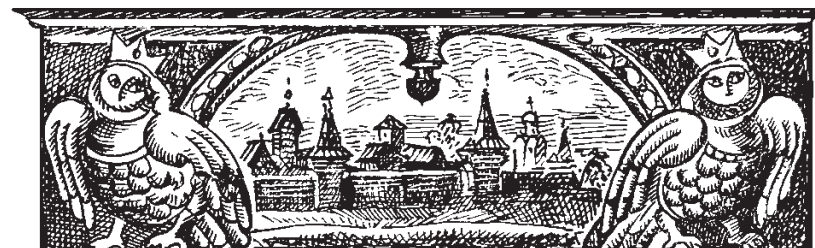
РУСЬ,
ПЕРЕД
НАШЕСТВИЕМ

ИСТОРИЧЕСКАЯ
ПОВЕСТЬ

Издательский Совет
Русской Православной Церкви
Москва
2006

По благословению
Святейшего Патриарха
Московского и всея Руси
АЛЕКСИЯ II

ЧУДОТВОРНАЯ ИКОНА

*В*елика и сильна была

земля муромо-рязанская. Правили ею славные князья Святославиичи, крепкие города ставили, храмы Божии воздвигали, дружины собирали храбрые супротив кочевников степных, половцев быстролетных. Много было крепких городов в земле муромо-рязанской: Курск на Сейме, Новосиль на Зуше, Рязань на Оке, Переяславль Рязанский тоже на Оке — повыше, Пронск на Проне, Брянск, Карачев, Мценск, Колтеск, Елец, Осётр, Лобынск, Тешилов, Нериньск, Ростиславль и прочие города и городки. Заботливо хранили князья Святославиичи побережье Оки-реки и низовья муромские. Давно уже присмирели половцы дикие, укротили свои набеги буйные...

Цвела, богатела и заселялась земля муромо-рязанская: не ждала она погрома великого;

В. П. Лебедев
Л 33 Русь перед нашествием. Историческая повесть. — М.: Издательский Совет Русской Православной Церкви, 2006. — 240 с.: ил.

Книга представляет собой переиздание исторической повести В. П. Лебедева «Святая княгиня», изданной в Санкт-Петербурге в 1905 г. Действие этой повести возвращается в XII в. в Рязанском княжестве накануне Батыева нашествия. Город Красный, впервые упомянутый в летописи под 1147 г., получил новое имя «Зарайск» после того, как княгиня Евпраксия, жена рязанского князя Федора, узнав о его убийстве ханом Батыем, чтобы не попасть в позорный плен, вместе с сыном бросилась с высокой башни и «заразилась» (разбилась).

Несмотря на трагические события, повесть оптимистична, потому что в ней прочитывается источник будущей победы над татаро-монгольским игом — торжество православной веры, чистой любви и несокрушимого русского духа.

© В. П. Лебедев, 2005
© Издательский Совет
Русской Православной Церкви, 2006

князьям и не грезилось, что суждено им первым встать и погибнуть за Святую Русь от грозных полчищ татарских.

В 1224 году был на Руси великим князем и сидел на престоле владимирском князь Юрий Игоревич — муж, по сказаниям летописцев, благочестивый, разумный и отважный. Жил он в мире и любви с младшими князьями муромскими да пронскими, берег землю свою, соблюдал заповеди Божии, стольный город свой обстраивал, семью свою княжескую лелеял.

Ранним утром по высокому берегу Окиреки неторопливо тянулись конные люди числом три или четыре сотни. То не были купцы из земли греческой: не виднелось с ними коней вьючных и телег груженных. Блестели копья, шлемы да мечи, качались за спинами луки длинные, у седел — колчаны, полные стрел пернатых.

Впереди цепью редкой рассыпались дозорные воины, зорко глядели, не таятся ли где станичники-разбойники, недобрые люди. За ними остальная дружина шла тесным строем стремя о стремя. Вел ратников муж вида величавого, в богатом наряде княжеском. Искрился на нем шлем золоченый, корзно¹ парчовое, расшитое, у ворота жемчужного застегнуто было золотою запонкой. Конь под ним играл и бодрился, тоже весь сиял убором драгоценным. Рядом с этим конником ехал старец в мантии

¹ Корзно — верхняя одежда, зипун.

черной, в клобуке высоком; крест с камнями самоцветными горел на груди его, свидетельствуя о сани архипастырском.

За этими двумя конниками следовали отроки, богато одетые, для услуги дорожной.

— Отче Евфросин, — молвил первый конник, — я все мыслю о сновидении пророческом; все колеблется и мятется душа моя!.. Взаправду ли совершится воля Божия, взаправду ли узрим чудо небывалое?

Старик сотворил крестное знамение, с кроткой улыбкой глянул на спутника нетерпеливого.

— Полно, князь Юрий. Кабы ты не сидел на престоле рязанском, кабы ты был из людей обычных, рядовых, тогда бы Господь не послал тебе откровения... Да ведь и мне, смиренному архипастырю земли рязанской, таковое ж сновидение было. Нет, въявь таится здесь воля Божия и указание Божие! В едину ночь, в един час видением небесным позваны мы оба в путь нежданный! Не будем же маловерны — и сбудется пророчество.

Князь рязанский Юрий Игоревич тоже осенил крестом грудь широкую и с верой и надеждою поглядел в широкую даль, что зеленела под голубыми небесами летними.

— Да, — молвил он, — чудный то был сон, пророческий сон!.. Сразу признал я Святителя Божия Николая, Чудотворца Корсунского. Таким и явился, как его на иконах греческих пишут... «Иди, встречай меня», — молвил он мне, грешному князю, в сон погруженному...

И до самой зорьки, до утра ясного длилось, повторялось то видение чудесное... А наутро я за тобой послал, святой отец; от тебя ту же весть услышал... И вот, выехали мы из Рязани-града, пустили коней по вольной волюшке... Что-то будет, что-то случится!

— А будет то, что Господу угодно, — ответил епископ Рязанский Евфросин.

Бодро шли кони по высокой траве по чуть заметному шляху², что на полночь вел вверх по Оке многоводной. Всё знойнее становилось, всё чаще кони фыркали, всё выше поднималось солнышко жгучее.

— Пора бы нам роздых сделать! — снова заговорил князь Юрий. — Вон там овражек малый да рощица зеленая. Кони передохнут, мы потрапезуем. Глянь-ка, наши конники туда уж спустились!.. Ишь, один-то, кажись, сюда скачет!

И впрямь, один из всадников сторожевых что есть мочи гнал коня к дружине княжеской, торопливо рукой махал. Быстро доскакал он до князя Юрия, оповестил его голосом тревожным.

— Там, в овраге, чей-то стан раскинут; шатры стоят, и люди ратные видны.

— Что ж, — молвил князь Юрий, — недругов да ворогов ждать неоткуда!

Двинулась дружина за князем, вплотную к оврагу подошла. Вдруг из-за рощи густой выскакал на коне горячем юный витязь в доспехе

золоченом, взгляделся в дружину встречную, шлем блестящий скинул, вперед понесся.

— Да это сын Федор! — крикнул изумленно рязанский князь. — Откуда он взялся?

— И впрямь, княжич Федор Юрьевич, — отозвался радостно епископ Евфросин.

Тем временем княжич к ним долетел, с коня сошел, у епископа благословился, отцовскую руку облобызал. Шел Федору Юрьевичу всего семнадцатый год; походил он на отца-князя крепким станом и лицом румяным. За благочестие и за нрав кроткий любили княжича по всей земле.

— Не чаял тебя встретить, князь-батюшка, — молвил он. — Куда путь держишь?

— А ты, Федор, для чего Переяславль-град покинул без дозволения родительского? — строго спросил князь Юрий.

— На том прости, князь-батюшка, не гневайся! Было тут указание Божие... Да пойдем в шатер, отдохнем с дороги.

Князь Юрий и епископ поглядели друг на друга очами изумленными и молча за молодым княжичем поехали. В тени рощи зеленой, где бежал по оврагу ключ студень, раскинули шатер княжеский; отроки вынули припасы дорожные, путники подкрепились едой да питьем.

— А ну-ка, сказывай, сын любезный, какое тебе указание Божие было? — нетерпеливо спросил князь Юрий.

Княжич Федор перекрестился, на небеса поглядел очами ясными.

² Шлях — наезженная дорога, путь.

— Было мне видение среди ночи глубокой. Во сне крепком узрел лик Святителя Николая Корсунского... молвил мне Чудотворец...

— Молвил он тебе, княжич: «Иди, встречай меня!», — прервал юного Федора епископ Евфросин.

— Истинно так, святой отец, — с изумлением сказал княжич. — Как ты про то узнал?

В трепете благочестивом владыка рязанский и князь-отец поведали княжичу о пророчестве чудесном.

— Ежечасно будем ждать чуда Господня!.. — благоговейно возгласил епископ Евфросин.

После того помолчали оба князя и епископ рязанский; каждый своим думам предался. В шатре было прохладно, кругом шелестела зелень свежая, щебетали птицы, журчал неподалеку ключ студеный. Юный княжич Федор, скинув шлем тяжелый, оперся на руку головой кудрявой; глядел он очами сквозь пролет шатровый на краешек неба синего, и та синева светлая отражалась в очах юношеских.

— Князь-батюшка и ты, отец святой! — вдруг воскликнул он. — А ведь я вам не все еще видение поведал... Один ли явился вам Николай Чудотворец в полночный час? Никакого с ним старца не было?

— Никого боле не видали, — отозвались старшие.

— А мне двойное было видение. Держал Чудотворец за руку некоего старца, по обличью уроженца земли греческой. На того старца указывал перстом Святитель и мне

главою кивнул... Уж не знаю, к чему такое пророчество...

— Слаб и слеп ум человеческий, — настаивательно вымолвил епископ. — Нам ли разгадать видение неуяснимое... Будем ожидать откровения Божьего с молитвою!

И опять замолчали все в шатре, предаваясь думам глубоким. Между тем время за полдень перешло, стал спадать жар полуденный, с Оки ветерок повеял, посвежело.

— Что ж, поедем опять в путь неведомый! — подал голос князь Юрий Игоревич.

Кликнул княжич отрока любимого, однолетка своего Михаила, велел шатры снимать да коней седлать. Вскоре опять двинулись оба князя и епископ Евфросин по высокому берегу Оки-реки, положившись на волю коней своих. Опять впереди сторожевые конники рассыпались, опять плотными рядами пошла за князьями рать, вдвое выросшая.

День был все такой же ясный и тихий; так же синели волны Оки-матушки; в камышах и зарослях прибрежных гоготали и плескались птицы водяные... Долгое время ехали молча всадники; наконец не стерпел старик-епископ, опять речь завел про всякие видения чудесные.

— Да, — говорил он, — порою отверзает Господь наши очи смертные и являет нам дела дней грядущих... И меня, грешного инокка, не в первый раз взыскует Господь Своею милостью... Помню, еще в юности моей было мне видение, из коего познал я путь, Самим

Господом мне уготованный. Давно это было, князья, ох, как давно! Тогда еще родитель твой, князь Юрий, только что сел на престол рязанский, только что взял тяжкие бразды правления княжеского... Трудная была пора: шла междоусобица с князьями Мономаховичами. Сразу приходилось князю Игорю в бранное стремя вступать, меч обнажать на родичей враждующих... Я в ту пору носил шлем золоченый и доспехи кованые; и я к поясу прицеплял меч бранный. Мало было во всей Рязани таких молодцов, как боярский сын Никита Всеславич... И князь молодой Никитушку жаловал и с собою брал в бои кровавые. Сия десница, ныне слабая, немало сразила врагов княжества Рязанского... За молодечество свое нашивал я и гривны золотые княжеские... Но иное судил Господь рабу своему Никите...

Прервал епископ Евфросин речь неторопливую, призадумался, вспоминая времена былые, потом снова заговорил.

— Помню я, помню ту ночь чудесную, тот час откровения Божия... Было то на ратном поле, после боя кровавого... Стоял я на страже у шатра княжеского, обуреваем был помыслами горделивыми, мечтаниями грешными о земном счастье тленном... Князь-то Игорь меня после боя пожаловал в дворецкие свои, посулил мне в жены дать девицу леповидную³, боярышню Агриппину. Была та девица дочерью боярина Даниила, что по всей Рязани набогатым,

³Леповидную — красивую.

наизнатным слыл... И допрежь не раз прельщался я красой дщери Данииловой, распаялся к ней страстью земной... Возликовало сердце мое от посула княжьего! Стою я у шатра, а в мыслях у меня соблазны мирские... Вижу я себя первым у престола княжеского, предвкушаю мирские лобзания греховные... Тут на меня не то дрема напала, не то облаком черным обнесло — и предстало мне видение чудесное... Узрел я вдруг себя самого, в рясу иноческую облаченного, над гробом открытым стоящего... И будто гляжу я в тот гроб, и видят очи мои мертвый лик дщери Данииловой, бездыханной, холодной... И вижу я на челе у покойницы язву глубокую, кровавую, нанесенную мечом вражеским... Вскрикнул я в ту пору и очнулся от грез ночных...

Глубоко вздохнул епископ Евфросин.

— А наутро прискакали гонцы из Рязани, принесли князю весть недобрую. На пути нежданно-негаданно нагрянули на старого боярина Даниила князья половецкие со своими станичниками... Весь обоз боярский они разграбили, старика-боярина изрубили и дщери его юной пощады не дали... Знать, не хотела она вольной волюшкой идти в плен половецкий, — разгневался степной князь-душегубец, рассек девице голову мечом острым... Тут и понял я перст Господний указующий... Отпросился я у князя, пошел в Киев, посхимился⁴... Да, великая сила в видениях чудесных, от Бога посланных...

⁴Посхимился — принял схиму.

В молчаливом трепете слушали оба князя скорбную повесть епископа старого.

— Гляньте-ка, — вымолвил вдруг юный княжич, указывая вперед рукой, — будто там из лесу звездочка светится? Чему бы там быть?

Поглядел вперед князь Юрий, увидал — из чащи зеленой тянутся лучи светлые, словно камни драгоценные сияют, словно светоч горит пламенем невиданно ярким.

Подскакал конник сторожевой, князей оповестил.

— Стоят на тропе на самой двое иноков неведомых, держат в руках икону в окладе золотом... Мы их пытались спрашивать, одно говорят: «Посланы мы к рязанским князьям, к Юрию да Федору».

Что есть духу помчались князья с епископом навстречу путникам неведомым...

Под зеленым навесом ветвей густых, на опушке рощи свежей, недвижимо стояли двое иноков — старый да молодой. Придерживали они руками исхудалыми икону большую в окладе золотом, а с той иконы глядел на князей знакомый лик Святителя Корсунского Николая... Письма строгого, византийского, кисти иконописца искусного — глядел святой лик благостно и проникновенно...

Мигом сошли с коней князья и епископ, ниц упали перед иконою.

— Да благословит вас Святитель Николай, князь Юрий и княжич Федор! — возгласил старший из иноков.

Приподнялись путники, приложились к святой иконе, на святыненосцев изумленными глазами глядеть стали. Оба инока неизвестные были, обличьем из уроженцев земли греческой; исхудали они, испостились до одних костей, до одной кожи сухой, потемневшей... Мнилось, поднялись из гроба останки схимников, тлением пощаженные.

Вдруг опять упал на колени княжич Федор перед старшим иноком, спросил его голосом потрясенным.

— Тебя ли видел я ночью во сне пророческом?

Инок указал перстом на икону и молвил юному княжичу:

— То Святитель говорил тебе: «Иди, встречай меня!»

— Сбылось видение, сбылось пророчество! — в трепете благочестивом воскликнул епископ Евфросин.

— Грядите с Господом, носители святыни чудотворной, — молвил князь Юрий, земно кланяясь инокам. — Возрадуется вся земля рязанская, грады и села, богатые и бедные, малые и великие...

Юный княжич и епископ Евфросин приняли на руки икону святую, бережно, с молитвою, опустили ее на драгоценные одежды княжеские, разостланные на траве зеленой.

— Вкусите отдых после пути трудного, — молвил князь Юрий инокам, — подкрепитесь питием и пищею!

Только хлеба вкусили гости неведомые, только водой ключевой запили еду скудную.

Все дружинники княжеские вокруг них кольцом стеснились, крестясь и вздыхая, удивляясь чуду несказанному.

— Поведайте нам, кто вы и откуда, чего ради странствуете вы с иконой святой? К нам ли вы несете сию святыню или в иное место?

Так спросил епископ Евфросин иноков. Отвечал ему старший речью внятной и чистой, хоть и слышно было, что неродным языком говорил.

— Аз есмь грешный инок Евстафий, родом из Корсуня греческого, а сей юноша — родич мой, такожде именуемый. Спасались мы в некоей обители бедной, коей угрожали многие враги веры Христовой. Много было во храме нашем икон древних святых, но сия икона чудотворная на всю страну славилась и чтилась. В единый день скорбный после кровавого набега агарян нечестивых из всей братии лишь мы в живых остались. Разгромили язычники храм святой, кельи иноческие сожгли и разрушили... Покорные тайному велению Божию, выждали мы, когда отхлынули агаряне с добычею, пришли на пепелище обители нашей, горько плакаться стали над развалинами святыми... И настала ночь глубокая, и забылись мы сном тревожным, утомленные скорбью и рыданиями... И услышал я во сне чье-то прикосновение неведомое, и внял я голосу повелевающему: «Возьми образ мой чудотворный, что сокрыт среди пепла и обломков каменных, и гряди с ним в далекую землю русскую, в край рязанский. Ждет ту землю

бедствие великое, нужны ей перед Господом заступники». В слепоте моей земной не послушался я наутро гласа чудесного... И опять настала ночь темная, и опять было мне то же видение, тот же глас услышал я в трепете... Трижды взывал ко мне Чудотворец Николай во мраке ночном — и внял я, наконец, и исполнил его веление... Разрыли мы обломки каменные и достали образ чудотворный, неповрежденный рукой вражеской... Готовясь в путь дальний, еще раз услышал я строгий глас Чудотворца Корсунского... Так повелевал он мне во мраке ночном: «Не гряди с образом моим прямым путем чрез землю половецкую, агарянскую; сядь в ладью в устье Днепра-реки, плыви вверх, доберись до моря Варяжского; оттуда направь стопы свои в землю новгородскую, из новгородской земли иди посуху в землю казанскую. Будет образ мой чудотворный в помощь и в остережение князьям рязанским Юрию да Федору...» И сделал я, грешный инок Евстафий, как повелел мне святой Николай Чудотворец... Ныне предаю вам икону святую, да будет она защитой земли рязанской... Тяжкие времена настанут, нагрянут полчища агарянские, кровью зальется земля русская.

С умилением и трепетом внимали повести инока Евстафия и князья, и епископ. Радовала их милость святителя Господня, и в то же время страшило пророчество суровое. Княжич Федор с земли поднялся, подошел к иконе чудотворной и, глядя на лик ее темный,

погрузился в молитву горячую, безмолвную. А намолясь вдосталь, подошел юноша к батюшке-князю с лицом просветленным.

— Слушай, князь-батюшка, что мне Господь на душу положил. Коли настанет для всей Руси и для княжества Рязанского бедствие великое, встретим мы его с молитвою, с покорностью воле Божией. А ныне благослови меня, князь-батюшка, храм заложить для иконы чудотворной. Вокруг того храма поставлю я городок малый, расселю людишек своих... Бог даст, святой Николай поможет, вырастет из того городка всему княжеству оплот крепкий, а мне новый удел многолюдный.

И поклонился в ноги юный княжич князю Юрию Игоревичу.

— И будет тот храм во имя Николы Корсунского, — молвил, крестясь, епископ Евфросин.

— Где ж ты будешь городок ставить? — спросил князь Юрий.

— Сам Чудотворец укажет, где пребывать его образу святому.

Не прошло и полугода после благочестивой поездки княжеской, как возник в земле рязанской новый город с новым храмом во имя Николы Корсунского. Срубили тот город на правом берегу Осетра-реки, между речкою Монастыркою и Бубновым оврагом. Красно, леповидно было то местечко; оттого и назвали город — Красным. Но не суждено было детищу княжича Федора и впредь так именоваться... В память беды великой, в память смерти святой

княгини, мученицы благочестивой, стал иначе называться новый городок рязанский.

Недаром спешил Чудотворец на защиту княжества Рязанского: вскоре нагрянули полчища врагов неведомых, неслыханных, коих именовали летописцы — «татарове».

ПЕРВАЯ ТУЧА

*Н*овый городок Красный стараниями княжича Федора Юрьевича, словно чудом, вырос на берегу Осетра-реки. Выбрал молодой княжич высокое место, кликнул клич дружинникам да сельскому люду, и в какой-нибудь месяц поставили с четырех сторон крепкие стены деревянные, а по углам четыре вышки в два и в три яруса со многими бойницами. Деревянный кремль окопали рвом глубоким и высоким валом обвели.

В то же время среди нового городка не по дням, а по часам росла церковь новая — храм во имя Николая Корсунского. Воздвигали тот храм умелые зодчие, искусные строители, коих прислал князьям рязанским киевский князь Мстислав Романович; из Киева же добыл княжич Федор Юрьевич литейщиков да иконописцев. Новый храм крыли оловянной крышею, а внутри расписывали яркими красками с серебром да золотом.

Неподалеку от храма Николы Корсунского срубили князю Федору Юрьевичу хоромы обширные, со многими горницами да светлицами, с вышками теремными. Церковь и хоромы княжеские превышали стены городские и с берега крутого гляделись, словно в зеркало, в светлую гладь реки Осетра.

Не один трудился молодой княжич над устройством города нового. Давши сыну любимому удел особый, князь Юрий Игоревич приставил к Федору Юрьевичу много слуг верных, бояр степенных да разумных. Был у князя Федора и казначей, и ключник, и постельник; были и конюшие, и мечники, и отроки. По тогдашнему времени тревожному берегу молодого князя и его детинец⁵ новый дружина немалочисленная в несколько тысяч воинов под началом тысяцкого Еремея Глебовича, витязя, в боях испытанного, духом и телом бодрого. Казначей княжий боярин Судислав блюл казну немалую: золото немецкое, серебро новгородское, меха собольи да горностаевые, ковры и ткани греческие. Ключник, боярин Давыд, устраивая двор княжеский, смотрел, чтобы все по чину шло да по старому обычаю степенному...

Весело было смотреть с высокого берега Осетра-реки в ясный осенний день на белый детинец городка нового, на срубы хором княжеских и домов боярских, на сотни шатров

⁵ Детинец (или кремль) — старинное название центральной укрепленной части древних русских городов, обнесенной стенами с башнями.

воинских, раскинутых по полям зеленым. По широкому Осётру плыли ладьи, тяжело нагруженные; по обоим берегам, скрипя колесами, обозы тянулись; в соседних лесах да рощах стучали топоры; под сотнями заступов пересыпалась земля черная, складываясь в широкий вал утоптаный. Всюду слышался говор громкий, отовсюду веселые песни раздавались; трудились рязанцы с охотой да с любовью. И прежде молодого князя по всей земле любили, а теперь и ратники, и сельский люд просто в нем души не чаяли. Блюл и берёт молодой князь своих работников; сытно им елось, хорошо пилось, и казною княжеской их не обделяли. Княжич Федор Юрьевич вместе с зарею подымался; любимый отрок Михаил подводил ему коня доброго; у берега крутого ждала княжича ладья быстрая, и летал Федор Юрьевич по полям широким, по рощам, за реку перекидывался, назад приезжал, — день-деньской следил неустанным взором хозяйским за трудным делом строительским...

Вот и на сей раз чуть свет прискакал княжич Федор к берегу, где новые ладьи пристали с железом да оловом, со скобами, переплетами оконными и иными поделками искусников киевских. Успел княжич побеседовать с вожакom каравана речного, одарил его щедро, повелел разгружать товар привезенный. А там уж скоро заблестело шитое оплечье княжеское на белых стенах детинца нового, а потом подоспел княжич и к храму новостроящемуся. Тут вместе со старым иноком корсунским

ОГЛАВЛЕНИЕ

Чудотворная икона	3
Первая туча	18
Перед свадьбой княжеской	33
В свадебные дни	49
Сила татарская	64
Посол Батыев	82
Угроза ханская	100
На пути страшном	115
В ставке Батыевой	132
Первый мученик	146
Семья осиротелая	161
«Умер княжич Федор!..»	177
В горе великом	192
Набег татарский	207
Смерть княгинина	221
Гибель земли Рязанской	233

В. П. ЛЕБЕДЕВ

РУСЬ ПЕРЕД НАШЕСТВИЕМ

Историческая повесть

При оформлении переплета использована работа
художника Л. Хасьяновой

Заведующая редакцией Т. Тарасова.

Редакторы И. Логинова, Н. Воронина.

Художник иллюстраций Т. Михайлова.

Технический редактор Э. Кондрашова. Корректор Е. Пятаева.

Дизайн переплета В. Катина. Верстка М. Алимшиев

Подписано в печать 05. 06. 2006. Формат 60х 90 1/16

Объем 15,0 п. л. Тираж 5 000 экз. Заказ №

Издательский Совет Русской Православной Церкви.

119435, Москва, Погодинская ул., 20, корп. 2

Оптовый отдел реализации: (495) 246-20-85, 246-52-08

Магазин: (495) 245-30-68